

DOI: 10.21779/2077-8155-2024-15-2-62-74

УДК 297.1+398

Содержание статьи

Информация о статье

Р. И. Сефербеков¹
С. М. Галбацев²

Введение
Календарные и аграрные
обряды
Семейно-бытовые обряды
Заключение

Поступила в редакцию: 26.05.2024
Передана на рецензию: 29.05.2024
Получена рецензия: 15.06.2024
Принята в номер: 30.06.2024

**Из календарной и семейно-бытовой обрядности
аварцев Гумбета: местный и исламский компоненты**

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; ruslan-seferbekov@yandex.ru ;

Северо-Кавказский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России); surxaj@bk.ru

Аннотация. В статье на основе собранного в селениях Гумбетовского и Казбековского районов Дагестана полевого материала и литературных источников с использованием общенаучных методов (историко-генетический, ретроспективный и системный) и специальных методов этнологии (опрос, наблюдение) дан анализ корреляции местного и исламского компонентов в календарной и семейно-бытовой обрядности одной из субэтнических групп аварцев – гумбетовцев. Исламская составляющая в форме проведения обрядов «зикр», «мавлид», чтения сур из Корана, участия в ритуалах мусульманских священнослужителей, раздачи милостыни *садакья* органически вплетена в проявляющие устойчивость архаические традиционные церемонии. Это обстоятельство свидетельствует о сложившейся многовековой практике бытования особой синкретической формы верований народов Дагестана, называемой «народный ислам». Он демонстрирует недостаточное знание большинством населения исламских канонов, нежелание в силу особенностей этнической психологии и менталитета отказываться от укоренившейся в духовной культуре традиционной обрядности, которая является значимой составляющей этнической, религиозной и культурной идентичностей в эпоху глобализации.

Ключевые слова: календарные и семейно-бытовые обряды, аварцы Гумбета, советский период и Новейшее время, «народный ислам».

¹ Руслан Ибрагимович Сефербеков – главный научный сотрудник отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, доктор исторических наук; orcid.org/0000-0002-0901-8499.

² Сурхай Магомедович Галбацев – преподаватель кафедры общеобразовательных и правовых дисциплин Северо-Кавказского института (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России).

DOI: 10.21779/2077-8155-2024-15-2-62-74

UDC 297.1+398

	Content of the article	Information about the article
R.I. Seferbekov ³	Introduction.	Received: 26.05.2024
S.M. Galbacev ⁴	Calendar and agricultural rituals.	Submitted for review: 29.05.2024
	Family and household rituals.	Review received: 15.06.2024
	Conclusion.	Accepted for publication: 30.06.2024

From Calendar and Family Rituals of Gumbet Avars: Local and Islamic Components

Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; ruslan-seferbekov@yandex.ru

Department of General Education and Legal Disciplines of the North Caucasian Institute (branch) of VSUYU (RPA of the Ministry of Justice of Russia); surxaj@bk.ru

Abstract. The paper is based on literary sources and field material collected in the villages of Gumbetovsky and Kazbekovsky districts of Dagestan. The authors, who apply general scientific methods (historical-genetic, retrospective and systemic ones) and specific methods of ethnology (survey and observation), provide an analysis of the correlation of local and Islamic components in the calendar and everyday family rituals of one subethnic group – Gumbet Avars. The Islamic component in the form of *zikr* and *mawlid* rituals, reading surahs from the Qur'an, participation in the rituals of Muslim clergy, distribution of *sadaqa* (alms) is organically woven into archaic traditional ceremonies that show stability. This circumstance testifies to the centuries-old practice of “folk Islam” – the existence of a special syncretic form of belief among the peoples of Dagestan. It demonstrates the poor knowledge of the Islamic canons by the majority of the population, their reluctance, due to the peculiarities of ethnic psychology and mentality, to abandon traditional rituals rooted in the spiritual culture, which is a significant component of ethnic, religious and cultural identities in the era of globalization.

Keywords: calendar and family rituals, Gumbet Avars, Soviet period and modern times, “folk Islam”.

Введение

Одной из задач современного российского кавказоведения является изучение календарных и семейно-бытовых праздников и обрядов, а также бытового функционирования религии в регионе. Это особенно актуально в плане сохранности традиционной обрядности и верований, этнической, религиозной и культурной идентичности в эпоху глобализации. Традиционная календарная и семейно-бытовая обрядность аварцев в определенной степени была изучена российскими кавказоведами. Однако, не были исследованы современные ритуалы и верования и их соотношение с исламом.

В статье даны результаты исследование исламского компонента в календарных ритуалах и обрядах жизненного цикла у аварцев Гумбета – субэтнической группы аварского этноса, расселённого в основном в Гумбетовском и частично в Казбековском районах Рес-

³ *Ruslan Ibragimovich Seferbekov* – Dr. Sc. (History), chief researcher at the Department of Ethnography, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences; orcid.org/0000-0002-0901-8499.

⁴ *Surkhai Magomedovich Galbacev* – Lecturer at the Department of General Education and Legal Disciplines of the North Caucasian Institute (branch) of VSUYU (RPA of the Ministry of Justice of Russia).

публики Дагестан. В задачу входит описание современной календарной и семейно-бытовой обрядности гумбетовцев с фиксацией их местной и исламской составляющих.

При написании статьи мы применили методы исторической науки: историко-генетический метод, позволивший выявить причинно-следственные связи сохранения традиционных верований в обрядности, их корреляции с исламом в ходе исторического развития; ретроспективный метод, давший возможность выявить причины консервации архаичных верований в настоящее время; системный метод, позволивший осознать комплексы обрядов и верований аварцев Гумбета как целостную систему их идентичностей.

Также инструментальной основой статьи послужил собранный летом 2023 г. методами опроса и наблюдения полевой этнографический материал в с. Аргвани, Данух, Ингиши, Сивух и Телетль Гумбетовского района и в с. Артлух Казбековского района Дагестана.

Календарные и аграрные обряды

При изучении народного календаря, верований и религиозных представлений, проявляющихся в обрядах и обычаях календарного цикла, важно разграничить те из них, которые утратили свой религиозный смысл и, трансформировавшись и наполнившись новым содержанием, приобрели значение символов, от тех, которые продолжают сохранять связь с религией [5, с. 6].

В соответствии со сложившимся у аварцев Гумбета сельскохозяйственным календарём в с. Артлух ежегодно 18 марта отмечают день весеннего равноденствия (*их чIараб кьо*), во время которого собравшиеся на годекане старейшины читают первую суру Корана Аль-Фатиха (*АлхIам*). Женщины варят традиционную мучную халву (*бахъухъ*) и раздают её по всем дворам села. В остальных селениях в эти дни проводят праздник первой борозды *Оц бай* («Запрячь быка»), в начале которого устраивают обряд *зикр* [1, с. 77], затем проводят ритуальную борозду, после которой начинаются спортивные соревнования – скачки, бег, борьба, метание камня.

День зимнего солнцестояния *хасел чIун сордо* аварцы Гумбета отмечают тем, что варят ритуальную зернобобовую кашу («мугъ») и раздают её соседям и родственникам.

Наряду с календарными праздниками большое место в общественной жизни гумбетовцев занимают *обряды вызывания дождя* во время засухи. Для вызывания дождя жители с. Данух поднимаются на вершину горы «Галабакли», где устраивают *зикр*, после которого участники обряда раздают присутствующим милостыню (*садакъя*) [3, с. 202]. Такой же обряд проводят и на Харибском перевале. Затем процессия направляется на южную окраину с. Данух, в местность *Бугъун чIвалеб бакI* («Место жертвенного забоя [скота]»), где имеется специальная площадка для забоя жертвенного скота, чьё мясо затем раздают как «садакъя».

Помимо молебнов на вершинах гор и перевалов аварцы Гумбета проводили обряд с участием ряженого *ЦIадул хIама* («Дождевой осёл»). В с. Телетль, где в последний раз этот обряд проводили в 2007 г., в роли ряженой выступала блаженная, которую обрядили в ветви кустарника, называемого на аварском языке *тутукI, некI*. В с. Аргвани, где обряд проводили в 70-х гг. XX в., ряженым был закутанный в траву подросток-сирота. В с. Килятль этот обряд проводят до сих пор.

Особые действия аварцы Гумбета предпринимали при выпадении града. Во многих селениях вплоть до 70-х гг. XX в. во время града для его прекращения во двор дома выходила пожилая женщина без головного убора.

Тесно связаны с календарём аграрные обычаи и обряды. Один из них – *БацIул кIал бухьизе* («Завязать пасть волку») – проводится до сих пор. К нему прибегали в том случае, когда терялась домашняя скотина и была опасность, что её могут задрать волки. В с. Ар-гвани, где этот обряд проводят до сих пор, мулла или знающий суть и детали этого ритуала человек, читая определенные суры из Корана, завязывает на веревке 9 узелков. Если скот находили невредимым, то узелки развязывали. В с. Телетль на веревке завязывают 7 или 9 узелков. Рассказывают, что в 40-е гг. XX в. женщина из этого селения по имени Абидат направлялась вечером зимой верхом на осле из хутора в своё селение. Вскоре за ней увязался волк. Абидат не растерялась, она громко произносила суры из Корана и завязала 7 узелков на веревке, благодаря чему волк, который, клацая зубами, старался ухватить её и осла, не смог нанести им вреда.

Таким образом, исламские ритуалы органически вплетены в дошедшие до нашего времени архаические календарные и аграрные обряды, что свидетельствует об их устойчивости и функциональности.

Семейно-бытовые обряды

Как и у других народов Дагестана [7; 11–12] и Северного Кавказа [19], неотъемлемой частью семейного быта аварцев Гумбета являются обряды жизненного цикла. Некоторые из них были нами частично описаны [17; 18]. Следует подчеркнуть, что у гумбетовцев они отличаются своей консервативностью. Достаточно вспомнить хотя бы то, что такие древние формы брака, как левират и сорорат, сохранялись у гумбетовцев вплоть до позднего советского периода.

Обряды, связанные с рождением ребёнка. Как и у других дагестанцев, родильные обряды гумбетовцев были направлены на защиту здоровья и жизни беременной, роженицы, матери и ребенка. Большим несчастьем для женщины было бесплодие, для излечения которого ей давали есть мясо определенных видов дичи. Например, в с. Артлух бесплодной давали есть мясо куропатки («мокьокь») или улара («ГIанса»).

Для беременных существовали особые, связанные с архаичными верованиями, ограничения в пище. В народе считали, что беременной можно есть всё, что она пожелает. Однако некоторые виды пищи могли затянуть родовой период или же нанести вред её ещё неродившемуся ребёнку. Верили, что, если беременная отведаёт конину, то родовой период у неё затянется. Для того чтобы избежать этого, она должна была накормить лошадь овсом из своего подола. В с. Ингиши по этой же причине беременной противопоказана была зайчатина. Беременной нельзя было есть мясо домашнего животного, которое покусал, но не загрыз волк – опасались, что ребенок родится с «волчьей пастью», что будет часто плакать, и у него будет болеть живот (с. Артлух). Такие же пищевые ограничения бытовали у кайтагских кумыков [2].

Беременной запрещалось убивать змей из опасения, что злость и агрессивность этой рептилии может перейти на её будущего ребенка (с. Сивух).

Нельзя было неродившемуся ещё ребёнку покупать заранее одежду и готовить люльку (с. Телетль).

У гумбетовцев старшего поколения всё ещё сохраняется вера в демонов-антагонистов беременных [16]. По поверьям, этот демон – *КъутIучI* («Обитающая вне дома») – ночью крал плод из утробы женщин, оставляя на пороге (с. Сивух) или на постели (с. Ингиши) несколько капелек крови (с. Сивух) как знак своего пребывания. По свидетельству старожил, в прошлом такие случаи были нередки.

По сновидениям [21, с. 196] и форме живота беременной старались определить пол будущего ребенка. Если беременной во сне приснится конь, то, значит, у неё родится мальчик, а если серьги – девочка. Если у неё живот округлый, значит, родится девочка, а если заостренный – мальчик.

При трудных родах для их облегчения муж роженицы стрелял вблизи неё из ружья, чтобы напугать её (с. Артлух) или же перешагивал через неё трижды туда и обратно (с. Ингиши). Иногда через роженицу переступал не муж, а женщина, родившая двойню (с. Артлух). В некоторых случаях при трудных родах к роженице приглашали женщину, которая видела, как «сплелись две змеи» (*Клиго жемараб рохь*) (с. Сивух). Как лекарство ей давали пить воду, в которую клали змеиный выползок (с. Артлух).

Если беременная не могла разродиться и умирала до родов, то вместе с ней в могилу клали еще один саван – для её неродившегося ребёнка (с. Сивух).

В течение 40 дней после родов роженице нельзя было брать в руки острые колющие и режущие предметы (нож, ножницы, иголку), так как верили, что они могут навредить её ребёнку (с. Аргвани).

Наречение именем. Как и другие дагестанцы [13], гумбетовцы в течение недели после рождения ребенка нарекают его именем. В последние десятилетия детей называют в основном мусульманскими именами: Абдулла, Абубакр, АхИмад, Адам, Аббас, Анас, Асхаб, Мавлидин, Махач, Махди, Мухаммад, Рамазан, Рустам, Саад, Саид, Усама, Хабиб, Хаджимурад, Халид, Шамиль; Айшат, Азра, Аминат, Атикат, Бика, Зумурат, Мадина, Макка, Марьям, Меседу, Муслимат, Райяна, Рамлат, Рахил, Руфайда, Сафия, Сумая, Фатима, Хава, Хадижат, Халимат, Хавсат.

По случаю имянаречения устраивается «мавлид» [15, с. 163] с обильным угощением.

Укладывание в люльку. Ребенка укладывает в люльку женщина, отличающаяся крепким сном (с. Сивух). Чтобы ребенок хорошо спал, применяли универсальный для большинства народов Дагестана способ – в его люльку сначала укладывали кошку (с. Артлух). С этой же целью под подушку малыша клали бутень (*кьвали*) (с. Телетль), а под матрац – «ослиную траву» (*хлAMIL сакI*) (с. Данух).

Ограничения и табу. У гумбетовцев сохранились связанные со сглазом и другими заболеваниями ограничения и табу. Если сын очень похож на своего отца, ему шьют одежду из отцовской рубахи – чтобы его не сглазили (с. Телетль). В первые 40 дней после рождения к ребёнку нельзя было заходить с сырым мясом и приходиться с кладбища (с. Артлух). В отсутствие ребенка люльку чем-нибудь накрывают сверху, чтобы в неё не забрались шайтаны (с. Телетль).

По представлениям, ребенок во сне улыбается, значит, «его развлекают опекающие его ангелы» (с. Данух). Взрослым в этот момент нельзя улыбаться, т. к. ангелы, подумав, что их передразнивают, могут обидеться и покинуть ребенка (с. Телетль). Когда малыш во сне улыбается, взрослым в этот момент нельзя улыбаться и трогать ребенка – «ангелы разбегутся» (с. Ингиши).

Если ребенок плачет во сне, значит, его пугают шайтаны, нашептывая ему следующие слова: «У тебя отец и мать умрут» (с. Телетль).

Ребёнка нежелательно подносить к зеркалу (границе миров), увидев своё отражение, он может испугаться (с. Артлух). Полагали, что, если ребёнка показывать в зеркало, он вырастет хилым и слабым (с. Сивух). После вечернего намаза вообще нежелательно смотреться в зеркало – «там можно увидеть шайтана» (с. Телетль).

Боясь задержки речи, ребенка не сажали на лошадь (с. Телетль), осла (с. Аргвани, Ингиши), корову (с. Ингиши) до того, как он начнет говорить.

Ребенку не давали смотреть вслед идущей на кладбище процессии с покойником – «он утянет за собой ребёнка» (с. Телетль). До того, как ребенку исполнится один год, его постиранную одежду не вывешивали на улице из боязни, что её сглазят и она может навредить малышу (с. Ингиши).

Стрижка утробных волос. Одной из обязательных процедур, которым подвергается новорожденный, является стрижка утробных волос. Стрижет ребёнку волосы его дедушка или отец. Утробные волосы бреют на 7-й день (с. Телетль), на 30 или 40-й день (с. Ингиши, Данух) после рождения ребенка.

В с. Артлух сбритые утробные волосы кладут под матрас люльки, в которой спит ребенок. Когда малыш начинает говорить, ему показывают эти волосы и спрашивают: «Чьи они?». В зависимости от ответа ребенка ему предсказывают счастливую или несчастливую жизнь. Волосы затем выбрасывают или кладут под притолокой в хлеву или же затыкают их в щели между камнями кладки стены дома.

В с. Ингиши утробные волосы кладут в люльку ребенка, а затем, когда он начинает говорить – затыкают в щели между камнями в кладке старинного дома.

В с. Аргвани сбритые утробные волосы и состриженные утробные ногти вместе с высушенной отпавшей пуповиной ребенка завязывают в узелок и подвешивают на перекладине люльки.

В с. Телетль сбритые волосы кладут в щель между камнями в кладке стены мечети или *зиярата* на могиле местного *хафиза* Муртазаали.

В с. Сивух волосы кладут между камнями в стене мечети.

В с. Данух состриженные волосы хранят, положив их между страниц Корана.

Появление первого молочного зуба и его выпадение. Когда у малыша начинают прорезываться молочные зубы, родственницы с отцовской стороны массируют ему дёсны – «чтобы зубы были крепкими» (с. Ингиши). Считается нежелательным, чтобы первый молочный зуб во рту ребенка увидели его мама (с. Сивух) или папа (с. Телетль), так как существует поверье, что «остальные зубы будут прорезаться мучительно для малыша».

После того как у ребенка выпадут первые молочные зубы, его дёсна обмазывают мёдом и мучной халвой («бахъухъ») (с. Телетль). В образовавшееся после выпавшего зуба дупло кладут кусочек мучной халвы (с. Ингиши).

В с. Артлух первый выпавший молочный зуб, стоя спиной к жилищу, забрасывают на крышу дома, в котором живут долгожители, с пожеланием, чтобы ребенок жил так же долго. По этому случаю варят зернобобовую кашу «мугъ» и раздают соседям и родственникам.

В с. Аргвани первый выпавший молочный зуб закидывают под ларь (*гъамас ца-гъур*) с мукой со словами: *Гъаб рокъол ца ма дуге, дур маххул ца – дие!* («Мой костяной зуб – тебе, твой железный – мне»).

В с. Ингиши выпавший молочный зуб клали в отверстие в углу дверного порога со словами: *Дуда меседил цаби рижаги!* («Чтоб у тебя выросли золотые зубы!»). Иногда его клали в щель между камнями кладки дома состоятельного человека.

В с. Телетль выпавший молочный зуб кладут в дырочку в углу дверного порога.

Учитывая, что дверной порог и углы жилища обладали у народов Дагестана особой семантической значимостью «как объемно-пространственные локусы, в которых может появиться и действовать мифический «хозяин», покровительствующий / не покровитель-

ствующий живущей здесь семье» [9, с. 28, 39], данный обычай можно рассматривать как жертвоприношение домовому (первым выпавшим зубом) с тем, чтобы добиться его покровительства над ребенком.

Первые шаги. Когда ребенок делает первые шаги, меж его ног (сзади наперед) пропускают хлебную баранку (*гор*) (с. Телетль, Сивух), которую затем разламывают на куски и раздают присутствующим.

В с. Сивух, если ребенок вовремя не начинал ходить, то его 3 или 7 раз протаскивали между ветвями У-образного (виллообразного) дерева, а в с. Ингиши сажали верхом на лошадь.

Если ребенок вечером спотыкался и падал, то считали, что ему подставили подножку шайтаны. Для очищения этого места от нечистой силы и чтобы ребенок впоследствии не заболел, читали суру *Къулгъу*, обрызгивали землю водой и разбивали на ней три яйца.

Обрезание («суннат») делают ребенку в возрасте 3–7 лет. В с. Ингиши эту операцию обычно проделывал местный «мастер» (*суннатчи*) Ахкубек Ханмагомедов (ум. в 1990 г.).

Обряды и обычаи по защите ребенка в вечернее время. Особые приёмы защиты от нечистой силы предпринимались в вечернее время, когда она активизировалась и могла нанести вред ребенку. В с. Аргвани возвращающаяся ночью домой молодая мать с ребенком кладет в пеленки малыша кусочек хлеба как оберег от нечистой силы. В с. Телетль, если собирались в вечернее время вынести на улицу ребенка, которому ещё не исполнился один год, то в пеленки ему клали кусочек хлеба и чеснок как обереги от сглаза и злых духов.

В с. Артлух, если матери с грудным ребенком необходимо было вечером куда-либо выйти в гости или по делу, то она по пути своего следования крошила позади себя кусочки хлеба как подношение для демона кладбища *Бакъараб рухI* («Голодный дух»), который появлялся в селении в тёмное время суток в белом одеянии и пугал людей. Для того чтобы обезопасить ребёнка от козней нечистой силы, его лоб обмазывали сажей (оберег).

В с. Сивух мать, несущая грудного ребенка в вечернее время по улице, крошила кусочки хлеба вдоль дороги, чтобы *дандиял* («потусторонние» [сущности]) не навредили её малышу.

В с. Телетль, чтобы ребенка не сглазили и чтобы уберечь его вечером на улице от козней злых джиннов и шайтанов, пятки, лоб и за ушами малыша обмазывали сажей. С этой же целью сзади на левом плече на одежду ребенка пришивали амулет (*сабаб*).

Возвращаясь из «дома, где оплакивали покойника» (*магIурукъ*), кормящая мама промывала проточной водой своё лицо и глаза – имелось поверье, что в противном случае её ребёнок вырастет хилым.

Вера в демонические персонажи. Как и другие мусульмане, гумбетовцы верят в существование джиннов и шайтанов [8, с. 186]. Перекрёсток трёх дорог (Мехельта – Ингиши – Тлярата) называется *Шайтан кIкIал* (Ущелье шайтана). В 3 км к северо-западу от с. Ингиши находится ущелье, в котором якобы водятся шайтаны. Когда женщины идут на мельницу молоть зерно, шайтаны будто бы бросают в них камнями. Шайтаны могут принимать облик людей, но их можно распознать по косым глазам. Помимо названного ущелья, шайтаны водятся и на мельницах.

Помимо веры в персонажей мусульманской мифологии, у аварцев Гумбета до сих пор бытуют поверья в существовании образов традиционной демонологии. Одним из них является домовый *ХъегIело*, который, как говорят, мог являться ночью в зоо- и антропоморфном облике (с. Ингиши) и водится в тех домах, где в брёвнах перекрытия потолка бы-

ла использована вилообразная балка в форме буквы «У» (с. Артлух, Телетль). Рассказывают также, что *Хъегелело* обладает волшебными предметами – «золотой шапочкой» (*меседил такъи*) и «золотым посохом» (*меседил гланса*). Если человек, на которого навалился *Хъегелело*, сумеет выскользнуть из-под него и завладеть этими предметами, то он обретет богатство, а домовой исполнит любое его желание и больше не будет докучать ему по ночам (с. Аргвани, Ингиши, Телетль). Для того чтобы домовой не донимал человека, ему приказывали исполнить невыполнимое, например, построить золотую лестницу (*меседил мали*) от земли до неба, или перелить дуршлагом море с одного места на другое, или же принести воду в сите (с. Телетль).

В с. Сивух домовой знают под именем *Реседобо*. Он будто бы обладает волшебной тростью (*гланса*). Для того чтобы он больше не приходил, надо было читать перед сном *Къулгъу* или, находясь в туалете, что-нибудь съесть.

Похоронные обычаи и обряды. Частью семейно-бытовых обрядов гумбетовцев являются похоронные обряды, которые частично нами описаны (траур и поминки) [18]. Аварцы Гумбета, как и большинство дагестанцев, проводят их по установленным в *мазхабе* имама аш-Шафи‘и правилам [20]. Большое место в их верованиях о культуре смерти [14] играли сновидения [21, с. 196]. В с. Артлух полагали, что, если во сне приснились выпавшие с кровью зубы, то это было к добру. Если же зубы (верхние зубы – родственник по отцовской линии, нижние зубы – по материнской) выпали без крови – это к смерти кого-либо из близких. К смерти были и другие приснившиеся во сне приметы: грязная вода (ассоциация с водой, в которой обмывали покойника), сырое мясо (связывается с трупом), разрушенная крыша дома (отождествляется с хаосом, разрушением, смертью), свадьба (по закону зеркальной симметрии – похороны). Если покойник во сне что-либо даёт тебе – это к добру и, наоборот, если ты даёшь ему какую-либо вещь по его просьбе – к несчастью, к убыли. Потерять во сне обувь – к смерти кого-либо из близких. Плохой сон никому не рассказывают из опасения, что он сбудется. Если же ты не можешь удержаться и хочешь им с кем-нибудь поделиться, то следует подойти к любому камню и рассказать ему свой сон. В таком случае плохой сон не сбудется.

В с. Телетль верили, что выпавшие во сне передние зубы – к смерти близких родственников. Видеть себя во сне на белом коне – к смерти. Если пожилая женщина увидит себя во сне беременной – к болезни. Видеть во сне грязную воду – к сплетням о тебе. Если увидеть во сне змею, значит, о тебе сплетничают женщины, а если собаку – мужчины.

В с. Сивух обрушившиеся во сне угол или крыша дома были приметой смерти кого-либо из близких. Приснившиеся выпавшие с кровью зубы – были приметой смерти близкого родственника, а если без крови – к добру. Видеть во сне сырое мясо, грязную воду (приснившаяся чистая вода – к добру), танцующим на свадьбе – к несчастью. Если приснилось, что садишься на коня – к исполнению желаний, если во сне совершил омовение для намаза – к удаче в делах. Если покойник во сне что-либо даёт тебе – это к добру. Рекомендовалось никому не рассказывать сны, иначе они больше не будут сниться.

По верованиям жителей с. Ингиши, приснившиеся грязная вода, потерянная обувь – к несчастью, к смерти. Чтобы не сбылись плохие сны, лучше никому их не рассказывать, а если всё-таки рассказал и, то необходимо произнести следующее заклинание: «*Лъиклалъе, рохалие*» («К добру, к радости!»).

Предвестниками чьей-либо смерти были карканье вороны (*члегераб гъедо*) и крик совы (руз). Если каркала ворона, то ей говорили: «*Мунго дуего!*» («Сама себе» [то есть «тебе того же», «чтобы твоё карканье обратилось против тебя же»]). Услышав воронье

карканье, было принято произносить заклинание: «*ЛъикIалъе батайги!*» («Пусть будет к добру!»). Стрекочущая без умолку сорока была вестницей прихода в дом гостей.

Приметой скорой смерти долго болеющего человека было побледнение покровов лица (с. Артлух), пожелтение ушей, выступание пота на верхней губе, глубокое западание глазных яблок (с. Аргвани), опухание ног (с. Ингиши).

Если человек умер с открытыми глазами, «значит, перед смертью хотел увидеть любимого человека» (с. Артлух).

Гумбетовцы верили, что душа человека выходит изо рта (с. Артлух, Ингиши), и она остается у тела ещё 7 дней (с. Артлух).

Умерший в возрасте до 15 лет подросток (то есть до исполнения совершеннолетия) считался безгрешным, которому на том свете уготована в качестве жены райская гурия (*хIурулIин*) (с. Данух).

Сразу же после смерти человека в доме занавешивают зеркала. Питьевую воду, если она в кувшине не была прикрыта, выливают.

На живот покойника, чтобы он не распух, кладут Коран и зеркало. Рассказывают, что в 70-е гг. XX в. в с. Телетль умерла одна беременная женщина. Когда её завернули в саван, ей на живот положили бумажные ножницы, «чтобы ангелы на том свете перерезали пуповину её неродившемуся ребёнку».

Интересно отметить, что табасаранцы, чтобы живот покойника не распух», клали на него ножницы [4, с. 176].

Воду, в которой обмывали тело покойника, выливают в укромное место – туда, куда не ступает нога человека. Имелось поверье, что, если случайно наступишь на эту воду, «заболеешь» (с. Данух).

Громко оплакивать умершего и причитать по нему нельзя – «*Аллагъасул цим бахъуна*» («Аллах разозлится»), «*Хабаль гъов вукIина шокъролъе лъим бахун*» («В могиле он будет по горло в воде») (с. Данух), «*Хобальуб хварасул черхалде цIадул теретал рорти-зе руго*» («На покойника в могиле будут сыпаться огненные угли») (с. Сивух).

В плачах (способ коммуникации с душами потустороннего мира) [10, с. 105–106] и при выносе тела покойного (с. Артлух) женщины через усопшего передают привет («салам») ранее умершим. Говорят, что им «нравится, когда им передают приветы» (с. Телетль).

Тело человека измеряют верёвкой, чтобы по её длине выкопать могилу. После того как тело опускают в могилу, эту верёвку кладут туда же и закапывают (с. Артлух).

Иногда в саван кладут погребальную одежду для тех, кто погиб на войне или утонул – «чтобы покойный передал её им на том свете» (с. Артлух).

Если при закапывании тела на кладбище шёл дождь и хотя бы одна капля попадала в могилу, «значит, будут ещё смерти». Чтобы избежать этого, над могилой держат одеяло (с. Аргвани).

Гумбетовцы справляют поминки на 3, 7, 52-й дни и на годовщину. На поминках устраивают обряд «зикр». До начала 90-х гг. XX в. всех пришедших на поминки угощали кусками курдюка. Сейчас им дают по 3 кг сахара, кусок курдюка и круглую тонкую лепёшку, обмазанную маслом (*панкъ*), сверху которой кладут мучную халву (*бахъухъ*) (с. Данух).

Бывали также случаи «прижизненных поминок» (с. Артлух). Одинокий человек, у которого не было близких родственников, при жизни раздавал садака, читал зикр и всё, что полагается после похорон

У гумбетовцев было принято кормить души умерших предков запахом пищи. В пятницу, после полуденного намаза, на раскаленную сковороду кидали кусочек жира (*mIamlu*) и обносили её по всем комнатам жилища и вокруг дома, чтобы души умерших (посещающих дом в этот день) насытились запахом (с. Ингиши).

После похорон на могиле устанавливают памятник. После 2000-х гг. фотографии покойников на памятниках не устанавливают, а те, которые были прикреплены ранее – снимают.

Примечательно, что вышеописанные похоронные обряды аварцев Гумбета во многом совпадают с подобными же ритуалами у других народов Дагестана, например, у лезгин [6].

Заключение

Рассмотренные современные календарные и семейно-бытовые обряды и представления аварцев Гумбета свидетельствуют о живучести и устойчивости традиционных ритуалов и верований, в которые органично вплетены мусульманские религиозные установления. Присутствие синкретического «народного ислама» свидетельствует о важности в этнической, религиозной, культурной и обрядовой идентичностях гумбетовцев этих двух компонентов (ислама и традиционных верований). В то же время бытовое функционирование ислама у аварцев Гумбета показывает слабое знание ими исламских канонов, что мы можем наблюдать на примере живучести языческих по сути праздников (день весеннего равноденствия, день первой борозды, день зимнего солнцестояния) и проводимых на вершинах гор и перевалов обрядов вызывания дождя и солнца, в том числе и с участием ряженых; «завязывания пасти волку»; родильных обрядов (пищевые табу для беременной, приёмы облегчения трудных родов, укладывание ребенка в люльку, стрижка утробных волос, появление и выпадение первых молочных зубов, первые шаги малыша и др.); верований о демонах-антагонистах беременных и домовых; связанных с приметами о смерти интерпретаций сновидений; занавешивании зеркал; обычаев класть на живот покойника зеркало, передачи вместе с покойником приветов и вестей ранее умершим; разными сроками поминок; устойчивости ритуальных архаичных блюд (*мугь*, *бахъухъ*) и др.

Исламский компонент сопровождает перечисленные обряды проведением *зикра* и *мавлида*, произношением сур из Корана, раздачей милостыни (*садакъа*), наречением младенцев в основном мусульманскими именами, обрядом обрезания, верой в мусульманские мифологические персонажи (гурии, шайтаны и др.), запретами на громкое оплакивание и причитания по умершему, установлении на его памятнике фотографии.

Подобное причудливое тесное сочетание местных архаических ритуалов и верований с мусульманскими религиозными канонами, свойственное народам Дагестана, демонстрирует многовековое бытование дагестанского варианта «народного ислама», в том числе и в эпоху глобализации.

Информаторы

Абдулаева Асият Госеновна, 1960 г. р., с. Аргвани Гумбетовского р-на РД.

Абубакарова Азра Абдулвадуевна, 1961 г. р., с. Телетль Гумбетовского р-на РД.

Абугасанова Джамият Халилулаевна, 1971 г. р., с. Телетль Гумбетовского р-на РД.

Ахкубекова Гулишат Хабибовна, 1963 г. р., с. Ингиши Гумбетовского р-на РД.

Гаирбекова Хадижат Идрисовна, 1957 г. р., с. Артлук Казбековского р-на РД.

Гасандибирова Айшат Гасандибировна, 1952 г. р., с. Данух Гумбетовского р-на РД.

Джабраилова Хадижат Галбацдибировна, 1969 г. р., с. Сивух Гумбетовского р-на РД.
Магомеднасирова Муъминат Магомедовна, 1965 г. р., с. Данух Гумбетовского р-на РД.
Магомедова Сахиб Хайбулаевна, 1986 г. р., с. Чирката Гумбетовского р-на РД.
Ниматулаева Савдат Абушейховна, 1973 г. р., с. Ингиши Гумбетовского р-на РД.
Нурмагомедова Аминат Шуайбовна, 1941 г. р., с. Ингиши Гумбетовского р-на РД.
Султанахмедова Зумурат Госеновна, 1977 г. р., с. Артлух Казбековского р-на РД.
Хайбулаева Курманди Курбанулаевна, 1973 г. р., с. Сивух Гумбетовского р-на РД.

Литература

1. *Акимукин О.Ф.* Зикр // *Ислам: энциклопедический словарь* / отв. ред. С. М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991.
2. *Алимова Б.М.* Обряды и обычаи, связанные с рождением ребенка у кайтагских кумыков // *Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX – начале XX в.: сб. ст. – Махачкала: Институт ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, 1986. – С. 55–72.*
3. *Боголюбов А.С.* Садака // *Ислам: энциклопедический словарь* / отв. ред. С. М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991.
4. *Булатов Б.Б., Гашимов М.Ф., Сефербеков Р.И.* Культура и быт табасаранцев в XIX – XX веках. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2004. – 266 с.
5. *Булатова А.Г.* Сельскохозяйственный календарь и календарные обычаи и обряды народов Дагестана. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. – 288 с.
6. *Гаджиев Г.А.* Пережитки древних представлений в похоронно-поминальных обрядах лезгин // *Семейный быт народов Дагестана в XIX–XX вв.* / отв. ред. М.-З.О. Османов. – Махачкала: Институт ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, 1980. – С. 29–46.
7. *Гаджиева С.Ш.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. – М.: Наука, 1985. – 360 с.
8. *Грязневич П.А., Басилов В.Н.* Мусульманская мифология // *Мифы народов мира: энциклопедия; в 2 т.* / отв. ред. С. А. Токарев. – 2-е изд. – М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 2. – С. 184–187.
9. *Криничная Н.А.* Красный угол: об истоках и семантике сакрального локуса (по севернорусским материалам) // *Этнографическое обозрение*. 2009. № 2. – С. 28–42.
10. *Кузнецова В.П.* Плачи // *Народные знания. Фольклор. Народное искусство.* – М.: Наука, 1991. Вып. 4. – (Свод этнографических понятий и терминов).
11. *Мусаева М.К.* Традиционные обычаи и обряды народов Нагорного Дагестана, связанные с рождением и воспитанием ребенка. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2006. – 218 с.
12. *Мусаева М.К.* Этнография детства народов Дагестана. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2007. – 251 с.
13. *Мусаева М.К.* Выбор имени новорожденному: традиции и представления народов Дагестана в XIX – начале XX в. // *Дагестанский этнографический сборник* / отв. ред. М. А. Агларов. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; ДИНЭМ, 2011. Вып. V. – С. 127–132.
14. *Мусаева М.К.* Этнокультура смерти народов Дагестана: похоронно-поминальные обряды, обычаи и представления // *Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Проблемы истории, методологии, историографии и источниковедения народов Северного Кавказа: опыт и уроки»* (г. Наль-

чик, 30 июня – 2 июля 2022 г.) / под ред. П. А. Кузьмина. – Нальчик: КБГУ им. Х. М. Бербекова; Принт Центр, 2022. – С. 310–315.

15. Резван Е.А. Маулид // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991.

16. Сефербеков Р.И., Разаханов С.С., Галбацев С.М. Мифологические персонажи традиционных верований аварцев Гумбета (вторая половина XX – начало XXI в.) // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18, № 3. – С. 805–822.

17. Сефербеков Р.И., Зульпукарова Э.М.-Г., Галбацев С.М. Современный брак и семейно-бытовые обряды аварцев Гумбета: традиции и инновации // Вопросы истории. 2022. № 11 (1). – С. 70–81.

18. Сефербеков Р.И., Галбацев С.М. Современные практики поминок и траура в похоронных обрядах аварцев Гумбета: исламский и неисламский компоненты // Исламоведение. 2023. Т. 14, № 3 (57). – С. 43–57.

19. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX – XX в.). – М.: Наука, 1983. – 264 с.

20. Сущность смерти и похоронный обряд: по *мазхабу* имама аш-Шафи'и; учебное пособие для студентов теологических и философских специальностей. – Махачкала: Институт теологии и международных отношений, 2009. – 394 с.

21. Токарев С.А. Сновидения // Религиозные верования. – М.: Наука, 1993. Вып. 5. – (Свод этнографических понятий и терминов).

22. Толстая С.М. Зеркало в традиционных славянских верованиях и обрядах // Славянский и балканский фольклор: Верования, текст, ритуал. – М.: Наука, 1994. – С. 111–129.

References

1. Akimoshkin O.F. Zikr. In: *Islam: encyclopedic dictionary* / ed. S.M. Prozorov. – Moscow. Nauka, GRVL, 1991. – 77 p. (In Russian)

2. Alimova B.M. Rites and customs associated with the birth of a child among the Kaitag Kumyks. *Marriage and wedding customs among the peoples of Dagestan in the 19th – early 20th centuries: Collected papers. Art.* – Makhachkala: Institute of IAL Dag. branch of the USSR Academy of Sciences, 1986. – Pp. 55–72. (In Russian)

3. Bogolyubov A.S. Sadaka. In: *Islam: encyclopedic dictionary*. Ed. S.M. Prozorov. – Moscow. Nauka, GRVL, 1991. – 202 p. (In Russian)

4. Bulatov B.B., Gashimov M. F., Seferbekov R. I. *Culture and life of Tabasarans in the 19th – 20th centuries*. – Makhachkala: Institute of the IAE DRC RAS, 2004. – 266 p. (In Russian)

5. Bulatova A.G. *Agricultural calendar and calendar-related customs and rituals of the peoples of Dagestan*. St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies Publishing House, 1999. – 288 p. (In Russian)

6. Gadzhiev G.A. Remnants of ancient representations in the funeral and funeral rites of the Lezgins // *Family life of the peoples of Dagestan in the 19th – 20th centuries* / ed. M.-Z. O. Osmanov. – Makhachkala. Institute of Sciences of the Dagestan Branch of the USSR Academy of Sciences, 1980. – Pp. 29–46. (In Russian)

7. Gadzhieva S.Sh. *Family and marriage among the peoples of Dagestan in the 19th – early 20th centuries*. – Moscow. Nauka, 1985. – 360 p. (In Russian)

8. Gryaznevich P.A., Basilov V.N. Muslim mythology. In: *Myths of the peoples of the world: Encyclopedia*: in 2 volumes / ed. S.A. Tokarev. 2nd ed. – Moscow. Russian Encyclopedia, 1994. Vol. 2. – Pp. 184–187. (In Russian)
9. Krinichnaya N.A. The Red corner: on the origins and semantics of the sacred locus (based on North Russian materials). *Ethnographic review*. 2009. No. 2. – Pp. 28–42. (In Russian)
10. Kuznetsova V.P. Cries. In: *Folk knowledge. Folklore. Folk art: A collection of ethnographic concepts and terms*. Moscow. Nauka, 1991. Is. 4. – Pp. 105–106. (In Russian)
11. Musaeva M.K. *Traditional customs and rituals of the peoples of Highland Dagestan, associated with the birth and upbringing of a child*. – Makhachkala. Institute of the IAE DNC RAS, 2006. – 218 p. (In Russian)
12. Musaeva M.K. *Ethnography of the childhood of the peoples of Dagestan*. – Makhachkala. Institute of the IAE DNC RAS, 2007. – 251 p. (In Russian)
13. Musaeva M.K. Choosing a name for a newborn: traditions and representations of the peoples of Dagestan in the 19th – early 20th centuries // *Dagestan ethnographic collection* / ans. Editor-in-charge M. A. Aglarov. – Makhachkala: Institute of the IAE DNC of the Russian Academy of Sciences, Religion, 2011. Is. 5. – Pp. 127–132. (In Russian)
14. Musaeva M.K. Ethnoculture of death of the peoples of Dagestan: funeral rites, customs and representations // *Proceedings of the All-Russian (with international participation) scientific-practical conference “Problems of history, methodology, historiography and source studies of the peoples of the North Caucasus” (Nalchik, June 30 – July 2, 2022)* / Ed. P. A. Kuzminova. Nalchik: Print Center of Berbekov State University of Kabardino Balkaria, 2022. – Pp. 310–315. (In Russian)
15. Rezvan E. A. Mawlid. In: *Islam: encyclopedic dictionary* / Ed. S.M. Prozorov. – Moscow: Nauka, GRVL, 1991. – P. 163. (In Russian)
16. Seferbekov R.I., Razakhanov S.S., Galbacev S.M. Mythological characters of traditional beliefs of Gumbet Avars (second half of the 20th – early 21st centuries). *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2022. Vol. 18, no. 3. – Pp. 805–822. (In Russian)
17. Seferbekov R.I., Zulpukarova E.M.-G., Galbacev S.M. Modern marriage, family and household rituals of Gumbet Avars: traditions and innovations. *Questions of history*. 2022. No. 11 (1). – Pp. 70–81. (In Russian)
18. Seferbekov R.I., Galbacev S.M. Modern practices of funeral and mourning in the funeral rites of Gumbet Avars: Islamic and non-Islamic components. *Islamovedenie*. 2023, Vol. 14, no. 3 (57). – Pp. 43–57. (In Russian)
19. Smirnova Ya.S. *Family and family life of the peoples of the North Caucasus (second half of the 19th – 20th centuries)*. – Moscow: Nauka, 1983. – 264 p. (In Russian)
20. *The nature of death and the funeral rite: According to the Madhhab of Imam al-Shafi‘i: A textbook for students of theological and philosophical specialties*. Makhachkala: Institute of Theology and International Relations, 2009. – 394 p. (In Russian)
21. Tokarev S.A. Dreams // *Religious beliefs: A collection of ethnographic concepts and terms*. – Moscow: Nauka, 1993. Is. 5. – P. 196. (In Russian)
22. Tolstaya S.M. Mirror in traditional Slavic beliefs and rituals. *Slavic and Balkan folklore: Beliefs, text, ritual*. – Moscow: Nauka, 1994. – Pp. 111–129. (In Russian)